И. В. ИГНАТЧЕНКО

Игнатченко Игорь Владиславович
кандидат исторических наук
доцент, кафедра всеобщей истории,
Институт общественных наук, РАНХиГС
Россия, 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
Тел.: +7 (499) 956-96-47
E-mail: ignatchenko_igor@mail.ru

Пьер де Кубертен и возрождение Олимпийских игр в XIX в.

Аннотация. В статье рассматриваются взгляды крупного французского и международного общественного деятеля XIX в. барона Пьера де Кубертена, изучается его вклад в развитие международного олимпийского движения. Деятельность де Кубертена вписана в широкий контекст блоковых противостояний последней трети XIX в. В частности, показано влияние международной обстановки на эволюцию взглядов французского барона. Большое внимание уделено выявлению ключевых идей, которые де Кубертен связывал с будущим развитием олимпийского движения.

Ключевые слова: Франция, Великобритания, Пьер де Кубертен, XIX век, Олимпийские игры, Греция

Возрождение в XIX в. Олимпийских игр, этого великого и всемирно узнаваемого символа античности, неразрывно связано с именем Пьера де Фреди, барона де Кубертена (1863–1937).

Несмотря на то что за рубежом уже опубликован ряд работ, посвященных барону де Кубертену, в нашей стране до сих пор не появилось специального исследования, посвященного общественно-политическим взглядам этого знаменитого француза. В зарубежной литературе имеют место самые различные оценки наследия Кубертена. С одной стороны, его друзья-современники и последователи, включая членов Международного Олимпийского комитета (МОК), возвели его в ранг иконы, «великого гуманиста» XIX в., создав, таким образом, своего рода «агиографическую» литературу [Boulongne 1975: 3–5; Eyquem 1966: 7–9]. С другой стороны, существует литература, в которой Кубертен осуждается как «великий первосвященник спортивной религии», а олимпийский спорт даже приравнивается к фашизму [Brohm 2008: 12–15].

© И. В. ИГНАТЧЕНКО
DOI: 10.22394/2412-9410-2018-4-2-80-91

Зарубежная историография по Кубертену, конечно, представлена не только «белой» и «черной» легендами. Существует и более взвешенный подход к личности и деяниям французского барона. Например, американский исследователь Эжен Вебер охарактеризовал Кубертена как «аристократа конца XIX в.» [Weber 1970: 5–7]. Психолог и антрополог Джон Мак-Эллун попытался описать поведенческие модели Кубертена, используя инструментарий психолога и социолога, при этом получился довольно противоречивый портрет. Так, по мнению Мак-Эллуна, деятельность Кубертена была мотивирована «гневом, патриотизмом, гордостью за семью, ложной гордостью, чувством неполноценности, альтруизмом, фрустрацией, элитизмом и эгалитаризмом, и все это наряду с мечтами о доблести, подвигах и неземным мужеством» [MacAloon 1981: 56]. Немецкий историк Д. Канц изучал связи Кубертена с либералами и пацифистами Европы конца XIX в. [Quanz 1993: 14]. Французские историки длительное время не видели в Кубертене объект для научных исследований, во-первых, потому что спортивная история казалась им не столь значимым полем, а во-вторых, потому что Кубертен виделся как слишком большой англофил и узкоэлитарный деятель. Поскольку он не был политиком Третьей республики, считалось, что изучение его взглядов и деятельности не представляет научного интереса [Clastres 2010]. Ситуация начала меняться в 1970-е годы, когда после известных событий мая 1968 г. во Франции постмодернизм открыл французским интеллектуалам новые направления для исследований [Clastres 2005]. Начали выходить биографии Кубертена. В 1994 г. вышла книга о нем Жана Дюрри в карманном формате, которую можно было бы определить как мини-справочник, где были собраны наиболее значимые факты из биографии Кубертена, его отдельные высказывания [Durry 1994: 1–96]. В 2008 г. вышла биография, написанная Даниэлем Бермоном; в ней впервые использовались материалы частных архивов, а также семейного архива Кубертенов [Bermond 2008: 1–432], что позволило создать более взвешенный образ основателя современных Олимпийских игр.

В настоящем исследовании сделана попытка рассмотреть общественно-политические взгляды Кубертена, изучить причины возрождения им Олимпийских игр в XIX в., исследовать его отношение к античности, определить вклад в развитие олимпийского движения. Хронологически работа охватывает период с 1863 по 1896 г., т. е. до первой Олимпиады, ко времени которой ключевые идеи олимпийского движения были в основном сформулированы Кубертеном. Основным источником является сборник избранных работ Кубертена, опубликованный в Лозанне в 2000 г. Международным Олимпийским комитетом [Coubertin 2000].

П. де Кубертен родился в Париже 1 января 1863 г. и был четвертым ребенком в семье. С детства барон воспитывался в аристократической, вполне консервативной среде французского высшего общества. Родители Пьера были убежденными монархистами. Однако если его отец, потомственный аристократ Шарль Фреди де Кубертен, слыл орлеанистом — сторонником правившей во Франции с 1830 по 1848 г. королевской династии Орлеанов, то мать, Мари-Марсель Жиго де Криснуа, была сторонницей другой королевской династии — Бурбонов, которые были свергнуты Орлеанами в результате Июльской революции 1830 г.

Пьер де Кубертен учился в школе иезуитов в Париже. После окончания школы юный барон, как и многие его сверстники-аристократы, хотел сделать

военную карьеру и готовился к поступлению в Сен-Сир, однако провалился на вступительных экзаменах. После этой неудачи он решил заняться юриспруденцией и стал изучать право в католическом институте в Париже. Тем не менее некоторый военный опыт барона оказал влияние на его лексикон, поскольку в дальнейшем французский аристократ будет активно использовать военную терминологию, рассуждая о спортивных состязаниях.

В 1870–1880-е годы формировались социально-политические взгляды юного барона. В воззрениях Пьера де Кубертена причудливо сочетались идеи, присущие одновременно либерализму и консерватизму. Если консерватизм как система взглядов был привит Кубертену еще в семье, то с либеральными идеями Пьер познакомился в Свободной школе политических наук в Париже, один из политических кружков которой он активно посещал в 1870–1880-е годы. Как принято считать, уже в 1887 г. Пьер де Кубертен, монархист по воспитанию, стал сторонником республиканского государственного устройства, в то время как его монархически настроенные сверстники приняли республиканский строй позднее — после 1889 г., когда во Франции провалилась попытка реставрации монархии, предпринятая генералом Жоржем Буланже. Республиканизм воспринимался многими образованными французами как синтез идей прогресса и умеренного, здорового консерватизма, сочетание традиций и политических новаций. В эти годы Кубертен выступал одновременно против деспотизма и анархии в защиту идей свободы и частной собственности. Уже в ранние годы он начал думать, что в интересах нации общественные элиты через систему патроната должны взять на себя ответственность по защите прав и свобод обездоленных рабочих.

В 1880-е годы Кубертен постепенно становился сторонником английского общественно-политического пути развития в противовес прусскому милитаристскому варианту. В 1886 г. под влиянием прослушанных лекций известного французского социолога Фредерика Ле Пле и крупного историка Ипполита Тэна Кубертен отправился в Англию, где изучал образовательную систему этого государства. Это было особенно актуально, поскольку как раз в те годы во Франции активно дебатировалась проблема проведения образовательной реформы. Кубертен счел, что основная причина британского динамизма и, как следствие, чувство собственного превосходства англичан в различных областях кроется в системе физического воспитания. Поэтому, вернувшись из Великобритании, он начал кампанию по продвижению и пропаганде спортивных состязаний как составной части школьного образования во Франции. В качестве образца Кубертен взял систему физического воспитания, практиковавшуюся в британских университетах. После поездки в Соединенные Штаты Америки в 1889 г. Кубертен загорелся идеей создать во Франции «республику спортсменов» — организацию, члены которой строго соблюдали бы все предписанные правила, уважали бы противника, подчинялись своему командиру — «капитану», были бы смелыми и отважными. Организация спортивных состязаний задумывалась бароном как возможность скрепить командный дух и в конечном итоге сформировать новые социальные элиты французского общества.

Можно заключить, что активное участие Кубертена в политических либеральных кружках в Париже, а затем несколько его поездок в либеральную Великобританию и демократические Соединенные Штаты Америки способствовали существенной эволюции взглядов барона от умеренного консерватора-военного в сторону горячего либерала в англосаксонском понимании.

Кроме того, Пьера де Кубертена можно смело назвать продолжателем идей итальянских гуманистов XIV–XV вв. Французский аристократ на протяжении всей жизни верил в прогресс, огромный потенциал и возможности человека.

Основополагающей идеей гуманиста Кубертена было достижение взаимопонимания между нациями. Он считал, что постепенно нации могли бы перейти от состояния невежества и неприятия друг друга к взаимному уважению и учету интересов каждого народа. В эпоху, когда в европейских государствах сверху активно насаждался культ национализма и шовинизма, такие мысли можно было бы назвать очень смелыми. Путем ведения постоянного международного диалога Кубертен надеялся умиротворить возможные конфликты и избавить мир от кровопролитных войн. Мир между нациями — безусловно, эта ключевая идея стала мотором всей дальнейшей общественно-политической деятельности Кубертена.

Барон де Кубертен понимал мир как одну из «первоочередных нужд современных демократий» и полагал, что «здоровая демократия, а также мудрый и миролюбивый интернационализм проложат свой путь к стадиону» [Coubertin 2000: 537]. Из его работ 1880-х годов можно понять, что он руководствовался следующими базовыми принципами, которые, по его мнению, должны были лечь в основу европейских демократий: сочетание интернационализма и патриотизма, уважение и отсутствие любой дискриминации и, как следствие, примирение наций. Таким образом, либерал Кубертен эволюционировал в сторону пацифизма и видел именно в спорте средство умиротворения наций; отвергая в целом идею национализма, он мыслил в духе либерального космополитизма.

Чтобы лучше понять значение усилий Кубертена по продвижению спорта в массы, важно уловить суть эпохи. Последняя треть XIX в. была временем военно-политического раскола на европейском континенте. После окончания франко-прусской войны 1870–1871 гг. Европа ожидала новых военных конфликтов. Германская империя, возродившаяся в Версале, где еще пару веков назад французские короли решали судьбы ойкумены, а в 1871 г. был подписан унизительный для Франции мирный договор, жаждала новых военных триумфов. Франко-германский конфликт лег в основу политической нестабильности в Европе. Французские и германские дипломаты спешно пытались найти себе союзников на случай новой войны при дворах европейских монархов. Европа была расколота надвое. Именно в этих условиях и рождался гений французского барона.

С конца 1880-х годов Кубертен активно публиковался, издавал журнал «La Revue athlétique», выступал с открытыми лекциями, в 1889 г. организовал международный конгресс в Париже, а с 1890 г. постоянно ездил по французским лицеям, разъясняя свои намерения. Встречали его поразному — особенно скептично настроенными были религиозные школы Франции. Во многом неприятие новых подходов идеалиста Кубертена было связано с прежней практикой спортивной подготовки во Франции, отвечавшей задачам военной службы. Кроме того, к тому времени во Франции уже существовала Национальная лига физического воспитания, созданная в 1888 г. Паскалем Груссе — радикальным журналистом, считавшим, что спорт не должен оставаться лишь привилегией общественных элит и что все граждане должны получить возможность заниматься спортом. Поэтому он не доверял Кубертену, считая того защитником богатых, и не поддержи-

вал английские увлечения барона. Сам же антиклерикал Груссе был вдохновлен древнегреческой системой физического воспитания.

Пьер де Кубертен, напротив, в отличие от многих своих современников не очень любил ссылаться на античность как на образцовый источник спортивных состязаний. Поначалу Кубертен был далек от идеи слепого копирования Игр античности. В основе его рассуждений лежали не стремление возродить античные традиции, а идеология англосаксонского либерального пацифизма, принципы международного права, идея созывов конгрессов наций, либеральное понимание образовательной системы.

Вообще отношение Кубертена к Древней Греции было довольно сложным и противоречивым. С одной стороны, он, как и многие другие его современники, считал, что Древняя Греция открыла миру тайну гармонии между телом и разумом, которую последующие поколения утратили. Но это вовсе не означало, что он всецело восхищался античностью, скорее наоборот, он относился к ней скептически. Так, он писал, что планировка древней Олимпии была «хаотичной», «непрактичной и раздражающей» (impractical and bothersome), и жалел древних зрителей, «сидевших строгими рядами на своих мраморных скамьях, сжигаемых солнцем или мерзнувших в тени» [Coubertin 2000: 352]. Сравнивая прошлое и настоящее, Кубертен замечал, что спортивные состязания античности в чистом виде не очень сопоставимы с реалиями последней трети XIX в. — эпохи, отличающейся техническими и архитектурными усовершенствованиями [Ibid.: 257, 276]. Французский барон также осознавал все ужасы рабства как мрачной страницы в истории античной цивилизации, но в то же время признавал, что и у современного ему общества были свои пороки, в частности алкоголизм [Ibid.: 277].

Кубертен был убежден, что Древняя Греция по моральным критериям не находилась выше европейского общества XIX столетия и что древние греки не во все времена высоко ценили спортивные практики:

> …Кроме того, культура спорта в Греции никогда не была распространена в той степени, как мы полагали ‹...›. Если мы внимательно прочтем исторические тексты, то увидим, что многие древние авторы отражают распространенные в то время представления о враждебном отношении общественного мнения Древней Греции к физическим упражнениям. К тому же те, кто занимался физическими упражнениями, вовсе не рассматривались как образцы добродетели и целомудрия [Ibid.: 167].

Кубертен также утверждал, что древние Олимпийские игры обязаны своей долгой жизни «зрелищу, шумихе и рекламе», а вовсе не их гармонии между телом и разумом, и что в конце концов эти игры оказались коррумпированными [Ibid.: 209].

На самом деле барон почти ничего не знал об истории Олимпийских игр, его это не интересовало, однако он испытывал практический интерес к методике физической подготовки, практиковавшейся в древнегреческих афинских гимнасиях, и тому, насколько ее можно было применить в современных ему французских реалиях.

Кроме того, большое значение Кубертен также придавал такому понятию, как *ekecheiria*, которое чаще всего переводят как «олимпийское перемирие» [Boniface 2012: 22]. В основу олимпийского перемирия была положена древнегреческая традиция, датировавшаяся еще IX в. до н. э. и связанная с предсказанием Дельфийского оракула, определившего перемирие на время Олимпийских игр как один из способов прекращения любых войн и конфликтов на Пелопоннесе. Этот принцип *ekecheiria* отвечал пацифистским чаяниям и устремлениям барона.

Мир через спортивные состязания, победа духа — эти идеи стали краеугольными камнями дальнейшей деятельности Кубертена. Чтобы взаимоуважение привело к миру, должна быть заложена основа для этого, считал Кубертен. Такой основой он видел всемирную историю, точнее, понимание исторических процессов и закономерностей, которые могли бы объединить людей.

> История должна сохранить международный мир… История может сделать и больше даже для социального мира ‹…› Только история может испытать атмосферу (test the atmosphere), просигнализировать о приближении ураганов и понять их направление в умах людей. [И далее:] История — это также лучшая гарантия мира. Просить людей любить друг друга — это ребячество ‹…› Просить их уважать друг друга — это не утопия, но для того чтобы уважать друг друга, они для начала должны узнать друг друга. Единственная настоящая основа для мира — принять во внимание точные хронологические и географические контуры всемирной истории в том виде, как ей обучают сейчас [Coubertin 2000: 227–228, 583].

В целом же знания по истории античности у прагматичного Кубертена были довольно поверхностными. История сама по себе, как и Олимпийские игры, интересовала барона исключительно как прикладное знание и постольку, поскольку отвечала его намерениям повысить уровень физической подготовки французской нации (древнеафинские гимнасии) и отстаивать принципы пацифизма и миротворчества (олимпийское перемирие). Остальные аспекты античной истории его совершенно не интересовали. История же была важна Кубертену для придания большего веса собственным словам, т. е. он апеллировал к авторитетам прошлого. И в этом смысле с историей как таковой Кубертен мог обходиться достаточно вольно.

Кубертена скорее интересовала сама идея Олимпийских игр, а не те виды спорта, которые практиковались на античных Олимпиадах. Он был ревностным англоманом и хотел наполнить современные ему спортивные состязания именно британскими видами спорта.

Действительно, Кубертен в большей степени был увлечен британскими видами спорта, такими как английский бокс, теннис, гребля, футбол, регби, спортивная ходьба или такими элитарными в то время видами, как конный спорт и фехтование. Он активно практиковал именно их, оставаясь в первую очередь спортсменом-любителем и педагогом. По мнению барона, только занятия этими видами спорта могли позволить последующим поколениям французов догнать в своем развитии такие передовые страны Европы, как Великобритания и Германия. Общей задачей для Кубертена

было вернуть Франции ее былое величие, которое она потеряла в результате сокрушительного поражения от Германии в 1871 г.

В то же время в XVIII–XIX вв. благодаря археологическим раскопкам Эллада, и в частности греческая Олимпия, вновь заняли достойное место в умах европейцев. К тому времени начинало развиваться олимпийское движение. Так, в Швеции в 1833 г. профессор Лундского университета Густав Шартау основал Олимпийский союз. Под его эгидой в 1834 г. в местечке Рамлёса в провинции Сконе были проведены Скандинавские игры по примеру древнегреческих Олимпийских игр, которые были названы Олимпийскими играми. В этих соревнованиях приняли участие всего 42 спортсмена. Игры оказались удачными, и Шартау организовал новые Олимпийские игры в 1836 г.

В Великобритании Вильям Пенни Брукс основал Олимпийское общество, которое с 1850 г. проводило так называемые Олимпийские фестивали в Англии, в небольшом городишке Мач-Уэнлок в графстве Шропшир[1]. В 1866 г. в Лондоне состоялись Национальные Олимпийские игры, но своего логического развития идея проведения Олимпиад не получила ни в Англии, ни в Швеции.

В Греции, обретшей независимость в 1830 г., также задумались о возрождении Олимпийских игр. Так, крупный греческий меценат и один из богатейших людей Европы того времени Евангелис Заппас на свои деньги и при поддержке греческого короля Оттона I провел в 1859 г. в Греции Олимпийские игры, участвовать в которых, по условиям соревнований, смогли только греки. Затем спорадически такие игры проходили в 1870, 1875, 1877, 1889, 1891 и 1893 гг. Освободительное движение против Османской империи, начавшееся в Греции в 1821 г., породило в Европе моду на грекофильство. Таким образом, Кубертен не был первым, кто захотел реанимировать древние Олимпийские игры, но его роль состоит в том, что он впоследствии сумел придать поистине международный характер олимпийскому движению.

Впервые Кубертен сформулировал идею возрождения Олимпийских игр 25 ноября 1892 г. во время пятой годовщины основания Союза французских атлетических обществ (USFSA) и связал эту идею с миротворчеством. Тогда он писал:

> Существуют люди, которых вы называете утопистами, но когда они говорят, появляются другие люди, которые верят в постепенное уменьшение рисков развязывания войны, и я не вижу в этом ничего утопичного. Совершенно очевидно, что изобретение телеграфа, телефона, развитие железнодорожного сообщения, страстный научно-исследовательский поиск, проведение конгрессов и выставок сделали гораздо больше для поддержания мира, чем любой договор или дипломатическая конвенция. Впрочем, я надеюсь, что атлетика и занятия спортом сделают даже больше. Те, кто видели 30 тысяч человек, бегущих под дождем, чтобы посетить футбольный матч, поймут, что я не преувеличиваю. Позвольте нам экспортировать гребцов, бегунов и фехтовальщиков. Существует свободная торговля будущего (free trade of the future), и в тот день, когда она будет введена в стенах старой Европы, дело мира получит новую и сильную поддержку [Coubertin 2000: 297].

[1] Некоторые исследователи помещают городок Мач-Уэнлок в Уэльс [Clastres 2010]. Дело, видимо, в том, что Шропшир граничит с Уэльсом, и в раннее Средневековье (по крайней мере до VIII в.) территория нынешнего графства Шропшир входила в состав Уэльса.

Тогда миротворческая идея Кубертена не вызвала энтузиазма во французском обществе. Научное сообщество Франции никак не поддержало барона, оставшись холодным и неприветливым к его инициативам реанимировать один из величайших символов античности и тем самым еще больше актуализировать тему древней истории Европы. У проекта Кубертена нашлось немало критиков и недоброжелателей. Многие называли его «иллюзорным», «утопичным», «наивным»; некоторые даже обвиняли барона, говорившего о стремлении к миру, в лицемерии и ханжестве [Callebat 1988: 195].

По мысли Кубертена, воспитание через спортивные состязания могло бы впоследствии привести к воспитанию миролюбия у молодежи, причем Кубертен даже замыслил создать общемировую единую образовательную систему, которая бы служила делу сохранения мира. Именно в образовании Кубертен видел источник развития и самосовершенствования человека. Спорт как неформальный метод воспитания молодежи мог также успешно использоваться как средство подавления агрессии, которое, как считал Кубертен, всегда проявлялось спонтанно и было свойственно всем людям [Mandell 1990: 61]. Кубертен был убежден, что спорт может сформировать характер и помочь индивиду наладить отношения с окружающими его людьми. Следовательно, занятия спортом несли «этическую миссию», как выражался французский барон; именно последняя должна была стать «центральной для Олимпийского движения и, если она окажется успешной, привести к политическому воспитанию» [Coubertin 2000: 38].

Безусловно, грандиозный проект Кубертена был нацелен в первую очередь на подрастающую молодежь Европы. Барон писал:

> Олимпийскому движению поклоняется мирная и доверчивая молодежь. В прошлом году миролюбие и доверие изо дня в день становились невероятно полезными средствами для старой цивилизации, придавая ей недостающие силы. Миролюбие и доверие являются необходимой основой для молодой цивилизации, которая скоро родится средь бушующих штормов. Впрочем, они не являются естественными компаньонами этой цивилизации. С колыбели люди растут обеспокоенными. Через всю жизнь их постоянно сопровождает страх. Как только приближается смерть, страх пронизывает людей насквозь. Человек способен преодолеть страх, так изобретательно беспокоящий его и во время труда, и во время отдыха, благодаря собственной смелости — добродетели, которую некоторые приписывали только далеким предкам, считая, что нынешнее поколение позволило этому цветку завянуть в его руках. Теперь мы знаем, что им сказать [Ibid.: 552].

Кубертен считал, что такое крупное международное событие, как Олимпийские игры, станет «начальной фазой того, чтобы мы сможем назвать современной глобализацией» и превосходным форумом для спортсменов, в которых он уже в конце XIX в. видел «посланников мира». Кубертен сравнивал спортивные соревнования с «мирной войной» — на спортивных площадках должны быть «мирные, куртуазные столкновения», в основу которых положен принцип «честной игры». «Армия атлетов» всегда будет наиболее гуманной,

полной сочувствия и спокойной в спортивном «сражении», считал Кубертен [Ibid.: 299]. Таким образом, спортивные состязания заменят войны и станут самыми миролюбивыми сражениями. Кроме того, французский барон надеялся на то, что Олимпийские игры позволят спортсменам научиться ценить, уважать и понимать своих соперников и их чувства [Brohm 2008: 91; Mandell 1990: 61]. Спорт позволит, с одной стороны, проявить спортсменам любовь к своей родине, а с другой — научиться уважать людей других культур и народов.

Стремление к миру нашло отражение и в религиозном аспекте Олимпийских игр. Если во времена античности спортивные состязания проводились во славу бога Зевса, возглавлявшего пантеон древнегреческих божеств, то Кубертен даже выдвинул идею создания «религии атлетов» (religio athletae). Более того, он задумал новую «религию мира», вокруг алтаря которой ежедневно собирались бы тысячи верующих [Coubertin 2000: 537].

В связи с религиозным аспектом Олимпийских игр Кубертен наполнил соревнования различными символами, которые должны были подчеркнуть миролюбие новых соревнований. Так, пять колец олимпийского флага символизировали союз пяти континентов, а белый фон этого флага должен был подчеркнуть мир и гармонию между всеми народами разных континентов. Таким образом, Кубертен пытался организовать соревнования, в которых, с одной стороны, душа и тело каждого спортсмена могли бы обрести гармонию, а с другой — души разных наций также могли бы обрести мир и успокоение [Boulongne 1975: 18].

Под влиянием международного студенческого движения, выступавшего за организацию спортивных встреч между представителями разных стран, Кубертен вновь вернулся к идее проведения Олимпийских игр в 1894 г. во время международных спортивных любительских соревнований в Париже. В этих соревнованиях либерал и пацифист-космополит Кубертен увидел возможность того, как спорт может служить делу мира и объединять разных людей. В июне 1894 г. Кубертен был генеральным секретарем Союза французских атлетических обществ (USFSA). Однако на Международном атлетическом конгрессе, состоявшемся в Сорбонне в том же году, он не имел большого влияния. Вместе с тем там барону удалось поставить вопрос о возрождении Олимпийских игр. Кубертен надеялся заручиться поддержкой коллег, чтобы провести первую Олимпиаду в Париже в 1900 г. параллельно со Всемирной выставкой, которая должна была пройти здесь в том же году.

Однако официальный представитель Греции, член Панэллинского общества гимнастики Деметриус Викелас настоял на том, чтобы первые Олимпийские игры нового времени прошли на их исторической родине — в Греции, а точнее, в Афинах; он же был избран первым президентом МОК. Он также предложил включить все известные виды спорта в программу Олимпийских игр. После их проведения весной 1896 г. греческий король Георг и его окружение хотели, чтобы все последующие Олимпийские игры проходили исключительно в Греции. В этом смысле большая заслуга Кубертена заключалась в том, что он смог придать олимпизму действительно международный характер, убедив всех заинтересованных лиц в необходимости каждые четыре года переносить с места на место олимпийскую столицу и вручать бразды правления стране-хозяйке Олимпийских игр.

Большую роль в развитии олимпийского движения сыграли международные неправительственные миротворческие организации, с которыми барон де Кубертен тесно контактировал: Международный центр пацифизма (International Centre for Pacifists), Международное бюро мира (The International Peace Bureau), Красный Крест, Всемирная эсперанто-ассоциация, а также скаутское движение. Поэтому не кажется таким уж удивительным тот факт, что 80% почетных членов МОК, собравшихся на учредительном конгрессе в Париже в 1894 г., представляли национальные комитеты международных миротворческих организаций, а пятеро из них впоследствии стали лауреатами Нобелевской премии мира [Quanz 1993: 4]. Со многими лауреатами Нобелевской премии мира (Эли Дюкоммен, Фредериком Пасси, Фредериком Байером и Анри Лафонтеном) Кубертен был знаком лично.

Хотя французский барон никогда не входил в европейское движение за мир, не был его активистом и участником, однако вся его жизнь была пронизана идеями миротворчества и пацифизма. В январе 1936 г. барон де Кубертен был сам выдвинут на получение Нобелевской премии мира. Инициатором выдвижения кандидатуры Кубертена стал его друг Теодор Левальд — президент Оргкомитета Олимпийских игр 1936 г. в Берлине. Выступая на сессии МОК в Осло в феврале 1935 г., Левальд охарактеризовал Кубертена как «одного из последних великих гуманистов», который придерживался идеи всеобщего примирения [Goksoyr 2003: 189]. Кандидатуру барона тогда поддержали президент МОК Генри Баллет Латур и национальные олимпийские комитеты. Официальное письмо-представление на выдвижение кандидатуры Кубертена было подписано представителями Франции, Италии, Великобритании, Японии и Польши. Однако в 1936 г. премию барон не получил. Умер он 2 сентября 1937 г. в Женеве, так и не став нобелевским лауреатом.

Однако вклад Кубертена от этого не менее велик. Идеи миротворчества, верным сторонником которых всегда был французский барон, в наше время особенно актуальны. Олимпийские игры, как и раньше, продолжают собирать миллионы болельщиков по всему миру, делая людей разных наций и вероисповедования ближе и понятнее друг другу.

Литература

Bermond 2008 — *Bermond D.* Pierre de Coubertin. Paris: Perrin, 2008.

Boniface 2012 — *Boniface P.* Jeux Olympiques politiques. Paris: J.-C. Gawsewitch Éditeur, 2012.

Boulongne 1975 — *Boulongne I.* La vie et l'oeuvre pédagogique de Pierre de Coubertin 1863 / 1937. Ottawa: Leméac, 1975.

Brohm 2008 — *Brohm J.-M.* Pierre de Coubertin, le seigneur des anneaux: aux fondements de l'olympisme. Paris: Homnisphères, 2008.

Callebat 1988 — *Callebat L.* Pierre de Coubertin. Paris: Fayard, 1988.

Clastres 2005 — *Clastres P.* Inventer une élite: Pierre de Coubertin et la «chevalerie sportive» // Revue Française d'Histoire des Idées Politiques. Vol. 22. No. 2. 2005. P. 275–296.

Clastres 2010 — *Clastres P.* Playing with Greece. Pierre de Coubertin and the motherland of humanities and Olympics? // Histoire@Politique. Politique, culture, société. No. 12. 2010. URL: http://www.histoire-politique.fr/index.php?numero=12&rub=autres-articles&item=56.

Coubertin 2000 — Pierre de Coubertin 1863–1937: Olympism: Selected writings / Ed. by N. Müller. Lausanne: IOC, 2000.

Durry 1994 — *Durry, J.* Le vrai Pierre de Coubertin: La vie, L'oeuvre, Les textes-clé. Paris: Comité Français Pierre de Coubertin, 1994.

Eyquem 1966 — *Eyquem M.-T.* Pierre de Coubertin, L'Epopée Olympique. Paris: Calmann-Lévy, 1966.

Goksoyr 2003 — *Goksoyr M*. Norway: Neighborly neutrality // The Nazi Olympics: Sport, politics, and appeasement in the 1930s / Ed. by A. Krüger, W. Murray. Urbana: Univ. of Illinois Press, 2003. P. 175–194.

MacAloon 1981 — *MacAloon J. J.* This great symbol: Pierre de Coubertin and the origins of the modern Olympic Games. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1981.

Mandell 1990 — *Mandell R. D.* Las Primeras Olimpiadas Modernas: Atenas, 1896. Barcelona: Bellaterra, 1990.

Quanz 1993 — *Quanz D. R.* Civic pacifism and sports-based internationalism: Framework for the founding of the International Olympic Committee // Olympika: The International Journal of Olympic Studies. Vol. 2. 1993. P. 1–23.

Weber 1970 — *Weber E.* Pierre de Coubertin and the introduction of organized sport in France // Journal of Contemporary History. Vol. 2. 1970. P. 3–26.

Pierre de Coubertin and the revival of Olympic Games in the 19th century

Ignatchenko, Igor V.
PhD (Candidate of Science in History)
Associate Professor, Department of General History,
School of Public Policy,
School of Advanced Studies in the Humanities,
The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospect Vernadskogo, 82
Tel.: +7 (499) 956-96-47
E-mail: ignatchenko_igor@mail.ru

Abstract. The article analyses the views of the eminent French and international public activist of the 19th century, Baron Pierre de Coubertin, and considers his contribution to the development of the international Olympic movement. De Coubertin's activities are placed within a wider context of bloc confrontations of the last third of the 19th century; in particular, the article shows the influence of the international situation on the evolution of the French baron's views. Considerable attention is paid to identifying the key ideas of de Coubertin concerning the future development of the Olympic movement. Pierre de Coubertin can be called a follower of the ideas of 14th–15th century Italian humanists. Throughout his life, this French aristocrat believed in progress, in the vast potential and possibilities of man. The fundamental aim of the humanist Coubertin was to achieve mutual understanding between nations through sport competitions and education.

Keywords: France, Great Britain, Pierre de Coubertin, 19th century, Olympic Games, Greece

References

Bermond, D. (2008). *Pierre de Coubertin*. Paris: Perrin. (In French).

Boniface, P. (2012). *Jeux Olympiques politiques*. Paris: J.-C. Gawsewitch Éditeur. (In French).

Boulongne I. (1975). *La vie et l'oeuvre pédagogique de Pierre de Coubertin 1863/1937*. Ottawa: Leméac. (In French).

Brohm, J.-M. (2008). *Pierre de Coubertin, le seigneur des anneaux: aux fondements de l'Olympisme*. Paris: Homnisphères. (In French).

Callebat, L. (1988). *Pierre de Coubertin*. Paris: Fayard. (In French).

Clastres, P. (2005). Inventer une élite: Pierre de Coubertin et la "chevalerie sportive", *Revue Française d'Histoire des Idées Politiques, 22*(2), 275–296. (In French).

Clastres, P. (2010). Playing with Greece. Pierre de Coubertin and the motherland of humanities and Olympics? *Histoire@Politique. Politique, culture, société, 12*. Retrieved from http://www.histoire-politique.fr/index.php?numero=12&rub=autres-articles&item=56.

Durry, J. (1994). *Le vrai Pierre de Coubertin: La vie, L'oeuvre, Les textes-clé.* Paris: Comité Français Pierre de Coubertin. (In French).

Eyquem, M.-T. (1966). *Pierre de Coubertin, L'Epopée Olympique*. Paris: Calmann-Lévy. (In French).

Goksoyr, M. (2003). Norway: Neighborly neutrality. In A. Krüger, W. Murray. *The Nazi Olympics: Sport, politics, and appeasement in the 1930s*, 175–194. Urbana;: Univ. of Illinois Press.

MacAloon, J. J. *(*1981). *This great symbol: Pierre de Coubertin and the origins of the modern Olympic Games*. Chicago: The Univ. of Chicago Press.

Mandell, R. D. (1990). *Las Primeras Olimpiadas Modernas: Atenas, 1896*. Barcelona: Bellaterra. (In Spanish).

Müller, N. (Ed.). (2000). *Pierre de Coubertin 1863–1937: Olympism: Selected writings*. Lausanne: IOC.

Quanz, D. R. (1993). Civic pacifism and sports-based internationalism: Framework for the founding of the International Olympic Committee. *Olympika: The International Journal of Olympic Studies*, 2, 1–23.

Weber, E. (1970). Pierre de Coubertin and the introduction of organized sport in France. *Journal of Contemporary History, 2*, 3–26.

To cite this article:

Ignatchenko, I. V. (2018). P'er de Kuberten i vozrozhdenie Olimpiiskikh igr v XIX v. [Pierre de Coubertin and the revival of Olympic Games in the 19th century]. *Shagi / Steps, 4*(2), 80–91. (In Russian).

Received January 23, 2018